

М. В. Мандрик

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ФОНД К. В. ТРЕВЕР В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ФИЛИАЛЕ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК*

Камилла Васильевна Тревер – имя известное всем востоковедам России. Научное наследие ученого хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (фонд 1090) и в ближайшие годы, после проведения научно-технической обработки документов, будет доступно исследователям. Материалы К. В. Тревер, несомненно, привлекают к себе большой интерес, т.к. касаются не только ее научных работ, но и деятельности Государственного Эрмитажа, Института востоковедения АН СССР (затем Ленинградского отделения Института востоковедения), и в целом научно-культурной жизни Петрограда-Ленинграда. Данная статья представляет собой не классический обзор фонда (что невозможно из-за продолжающейся еще научно-технической обработки), а является своего рода статьей-анонсом документов¹, которые в нем отложились, что даст возможность привлечь к нему в будущем больше исследователей и еще раз напомнить о К. В. Тревер, 125 лет со дня рождения которой исполнилось в январе 2017 года.

Документы К. В. Тревер поступили в СПбФ АРАН в 1994 году от К. Н. Юзбашяна и К. В. Дубкова и были зарегистрированы как фонд № 1090. Прямых наследников у К. В. Тревер не было, поэтому она доверила распоряжаться своим имуществом соратникам по работе, в том числе и Ю. А. Петросяну. Россыпь документов составила почти 30 метров². Большую часть наследия К. В. Тревер составляют ее научные работы и материалы к ним: варианты одних и тех же статей, подготовительные материалы и выписки, многочисленные фотографии раскопок в Гарни и другие иллюстрации к работам. В основном они давно опубликованы, но при дальнейшем изучении материалов не исключены и находки неизданных статей.

У каждого личного фонда есть свои особенности. Фонд 1090 богат дневниками К. В. Тревер (раздел «Документы к биографии»). Она начала вести дневники еще молодой девушкой и продолжала их всю жизнь (более 60 лет), до тех пор, пока могла держать ручку – последние записи имели уже бытовой характер и плохо читаемы. Кроме дневников, К. В. Тревер вела журналы с учетом полученных и отосланных писем, трат на покупку продуктов, вещей и оплату квартиры.

К. В. Тревер была не просто ученым, но и незаурядной личностью, ее долгие годы связывала научная и личная дружба с И. А. Орбели и Б. Б. Пиотровским, она была в центре научной и культурной жизни Ленинграда. К. В. Тревер оказалась не только историком, кропотливо восстанавливающим события давно минувших веков, но благодаря ей, спустя 50–90 лет, мы можем заглянуть в наше ближайшее прошлое и буквально

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-06-99604.

по часам проследить ее жизнь и жизни выдающихся людей из ее окружения. Сама того не ведая в юности, и осознанно продолжая записывать все в более зрелые годы, К. В. Тревер внесла значительный вклад в бытописание петроградской/ленинградской научной жизни XX века, и ее материалы для изучающих микроисторию бесценны.

С 1912 года К. В. Тревер занималась на Высших женских (Бестужевских) курсах и вместе с сокурсницами ездила в длительные поездки в Италию (1912) и Грецию (1914). Например, в дневнике «Поездка в Грецию летом 1914 г.» молодая К. В. Тревер зафиксировала забавные истории из их путешествия (здесь и далее пунктуация оригинала сохранена): «Четверг 19 июня... Выехали в 6 ч. утра в Фест, на южный берег Крита. Привели 7 мулов к гостинице, вся улица собралась смотреть, как мы поедим. Оказалось, что очень удобно сидеть – боком, как бы в кресле, на седле со спиной, подлокотниками и подножием. Появился проводник... без которого дорога в горах мало кому известна и не безопасна. Он поразил нас своим видом: красавец лет 25–30... шерстяная белая широкая короткая юбочка... Хотя нам было сказано, чтобы мы самостоятельно не сходили с мулов (они это не любят) Ильза и Юля все-таки соскакали со своих седел за цветами, и мул больно лягнул Ильзу. А через некоторое время ее мул споткнулся и Ильза полетела под откос в колючки и ушибла ногу, разорвала блузу и вся искололась. Волнение. Довезли ее на муле каваса³, который спокойнее... В это время послышался шум автомобиля, и все наши десять мулов и коней, привязанных к специальным крюкам вдоль фасада здания, пришли в ужас, закричали, стали биться, выбрасывая вверх задние ноги. Они впервые услышали шум мотора – это был привезенный накануне в Кандию⁴ автомобиль (первый на острове), который принадлежит археологу профессору Petniez, который решил испробовать его по горным дорогам... По дороге, между прочим... видели пещеру на горе Иде, издали, где родился Зевс по преданию, кажется так»⁵.

Особое место в наследии К. В. Тревер занимают материалы, посвященные ее проводнику в мир Востока – Иосифу Абгаровичу Орбели. Это особый пласт документов, который крайне редко встречается в личных архивах и собран Камиллой Васильевной с особой тщательностью. Помимо того, что К. В. Тревер всю сознательную жизнь вела дневники, где значительное место уделялось и жизни И. А. Орбели, после его смерти она постаралась свести сведения о нем из дневников в две большие тетради, где давала попутно объяснения: кто скрывался за теми или иными инициалами, что значила та или иная шутка и т. п.⁶ Документы, прямо или косвенно относящиеся к И. А. Орбели, можно считать второй особенностью фонда К. В. Тревер.

Датой начала активной работы с И. А. Орбели сама К. В. Тревер называла 3 апреля 1920 года, хотя они были знакомы задолго до этого. И. А. Орбели хотел «получить отдельную типографию для Академии» и привлек к этому делу К. В. Тревер, с которой случайно повстречался по дороге на Васильевский остров⁷. С этого момента и началось их близкое сотрудничество, продлившееся до самой смерти академика 2 февраля 1961 года (стоит отметить, что К. В. Тревер единственная была с ним рядом до последнего вздоха).

В далеком сентябре 1920 года И. А. Орбели признался К. В. Тревер: «Кто знает, может быть наша дружба – нечто более великое, чем мы можем предполагать»⁸. По всей видимости, он оказался прав. Можно было перечислять многочисленные достижения их совместной научной и организационной работы, но они находятся на поверхности, в то время как материалы К. В. Тревер по увековечиванию памяти И. А. Орбели пока

еще неизвестны исследователям. Они составляют значительную часть документов биографического характера, и не всегда можно четко отделить ее биографию от биографии И. А. Орбели.

К. В. Тревер вела не только свой дневник, но и десятилетиями подробно записывала распорядок дня И. А. Орбели: когда и по какому поводу с кем встречалась, где выступал, как себя чувствовал. Читая записи о жизни И. А. Орбели, видишь не только ученого, но и человека, отца. Даже в деловом дневнике К. В. Тревер не раз упоминала о появлении его сына Мити в Эрмитаже или о том, где И. А. Орбели был с семьей. О себе К. В. Тревер в дневниковых записях об И. А. Орбели и Мите писала в третьем лице, называя «К. В.»: 21 ноября 1954 года: «С Митей в Доме Ученых: «Серебряное копытце» – кукольный театр. До этого гуляли с ним и К. В. Занимался с Бакаевым. Получил известие, что Мокские тексты включены в издат[ельский] план⁹ 1955 г. (рад)»¹⁰; 19 ноября 1955 года – «Ректор АГУ (А. Д. Александров) хотел приехать, но И. А. сам к нему поехал – разговор о деканстве; написал заявление. – Был в Изд-ве (формат). Вечером «бал» – 20 чел. К ужину в связи с получением Ан. Н-ой гонорара за статью. Митя был заблаговременно увезен к своей первой няне Ксене – где ночевал»¹¹.

После смерти соратника и друга К. В. Тревер уже на следующий день записала в дневнике, что надо разбирать его архив – это стало новой целью жизни и помогло справиться с болью утраты. В ее поздних записях имя И. А. Орбели также продолжало встречаться, например, 10 августа 1964 года: «Приехала домой из Москвы, Мар[ия] Кер[оповна]¹² оказалась в городе и обедала у меня, обедал и Митя, только что сдавший химию на «чистую пять». Привез мне свои новые стихи об отце «Душистый табак», прочел их нам с большим чувством, но я начала понимать их только, прочтя третий раз, потом»¹³. На следующий день, снова нахлынули воспоминания: «Вспоминала, как в этот день 42 года назад мы с И. А. сидели на скамейке на бульварчике около Технологического института...»¹⁴

К. В. Тревер старалась сделать все от нее возможное, чтобы сохранить память об И. А. Орбели, о чем свидетельствует и переписка, которую она частично переписала, чтобы лучше был понятен почерк И. А. Орбели¹⁵. 13 сентября 1961 года она фиксирует эту работу в дневнике: «Новую тетрадь начинаю 13-го числа, но это – первая моя новая тетрадь с записями без И. А. ... Потом переписывала письма И. А. (№ 19–20); просмотрела свои ему в те же сроки и ужаснулась их сухости и деловитости, только о Борисе (племяннике)¹⁶ – немного лирики. Лучше не вспоминать, жить не хочется»¹⁷. В наследии К. В. Тревер отложился огромный пласт насыщенной переписки двух ученых, почти за 30 лет. Она посвящена научным и организационным вопросам, личные вопросы оставались на заднем плане. Особый интерес представляет военный период, когда, не всегда находясь вместе в одном городе, ученые подробно освещали жизнь Эрмитажа и ее сотрудников.

Летом 1928 года, находясь в командировке в Дагестане (Дербент, Кубачи и др.), И. А. Орбели сообщал: «Поездка в Кубачи ... очень удачна, хотя сильно утомила; но не знаю, удастся ли получить хорошие вещи для Эрмитажа или все купленное останется здесь, и даже не знаю наверное, смогу ли вывезти все на выставку в Эрмитаж. Впрочем, три великолепных камня едут со мною... Здесь сейчас, к сожалению, никого нет, нельзя делать большой доклад, а следовательно нельзя убеждать всех, кого надо. Здесь сильно просыпается импотентный национализм, особенно опасный... Но я надеюсь,

что это удастся предотвратить установлением персонального сотрудничества, попросту – моей работы на них, это будет страховка для наших вещей. Очень было противно писать вежливое и даже очень любезное письмо Павлову, но – не поклонись, не получишь, а я кланяюсь не для себя. Но какое блестящее подтверждение моего построения! Я очень заинтересовался кубачинским языком, очень много такого, что способно еще более упрочить мою албанскую конструкцию. Я думаю серьезно позаняться этим языком... уже начал кое-что улавливать и даже усваивать поразительные совпадения с армянским и грузинским, но совпадения сочные именно своей отдаленностью. Хочу написать большую статью методологического характера¹⁸... По-видимому здесь вызывает раздражение, что не прононсируется Дагестан, и м.б. если бы мы устроили залы в Эрмитаже «Дагестан», то это вызвало бы готовность помогать, а не мешать. То, что я видел в Кубачи, меня убеждает, что это можно так оставить, это – колоссальная местная культура, а не только грабеж, но культура Албанская, культура в значительной мере равнины. Эту выставку (бронза и камни) я придумал тут и веду под флагом посвящения Н. Я. Марру... Павлов¹⁹ – сволочь, которую нужно гнать вон. Скотина, которая расценивает Дагестан только как объект торжества русского оружия, а культура ему недоступна. Если бы я был дагестанцем, я бы давно выпустил ему кишки за глумление, иначе я не могу назвать прикрывание презрения к Дагестану дагестанским патриотизмом... Если мне это мероприятие удастся, я действительно вернусь «победителем»²⁰.

С 24 февраля по 7 марта 1930 года И. А. Орбели был в командировке на Урале, с целью ознакомления с коллекциями местных музеев. 27 февраля в 10 часов вечера он писал К. В. Тревер с вокзала в Вятке: «промерзли здорово, тем более, что вечером делать нечего, и деваться некуда, были в двух кино подряд, потом в пивной, и все же много времени до поезда. Какой кошмар тут!... такая кругом грязь и так действует на нервы все окружающее и особенно безделье... Очень тяжелое впечатление от бесконечной серости и бедности. Не знаю, что больше... Как то вы там управляетесь без меня; только не волнуйтесь и держите себя и других покрепче. Многого надо нам подтянуть в окружающих и прежде всего в себе...»²¹

18 февраля 1931 года И. А. Орбели писал из Лондона, где был с выставкой, что думал и о К. В. Тревер: «Я между прочим почему то очень рад, что вы на новой квартире, только очень жаль, что я не знаю, как именно вы расположились в своей комнате, давайте только вместе постараемся сделать так, чтобы у вас в комнате не было свинятника из книг. Очень хочется, чтобы хоть у вас можно было сидеть как в комнате, а то и кабинет и моя собственная комната – вечный свинятник... Очень мне вас жалко, если еще навалится расход на излишки, и без того вам, милому человеку, туго приходится»²².

Будучи далеко, И. А. Орбели всегда с нетерпением ждал ее писем. В одном из своих посланий он дважды пишет об этом: «Но милый мой друг, неужели так и не будет больше писем, ведь мне же будет еще труднее ждать отъезда, если не будет вестей от вас...»; и «Неужели же завтра не будет письма, милый маленький свиненок, оставляющий бедного изгнанника без вестей? Это будет очень грустно, честное слово»²³. При этом он очень требовательно относился к переписке: «Получил конверт с листиком от 13-го [февраля]. Он мне письмом не показался. Откровенно скажу, предпочитаю не получать писем вовсе, чем иметь такие листочки, написанные, чтобы сказать себе, что письмо послано... С нетерпением жду возможности вздохнуть свободно, переехав нашу границу, вернее – доехав до Ленинграда»²⁴.

Осенью 1934 года И. А. Орбели с делегацией посетил Персию. 8 октября в пол второго ночи он писал из Тегерана: «...Бесконечно больно, что Вы не посмотрели хоть этот кусочек Персии и не показали себя со всех сторон тут. Это было бы так выгодно для делегации. Очень много людей, имена которых знаем, особенно из парсов... Вымотался от светской жизни в конец, не могу и не хочу больше. Вернемся только 17-го... Жду этот момент с величайшим нетерпением. Надеюсь, что ничто не задержит. Помните твердо, что Фрейман²⁵ – сволочь, все остальные очень хорошие... Сегодня особенно ярко вспоминал вас, когда видел демонстрацию гимназистов, клопиков ростом с вашего малышика [племянник Б. В. Серков²⁶] и с ресницами такой же длины, как ноги... Не хочу писать обо всем, как тут идет, потому что всего не напишешь – много очень впечатлений – а кратко не стоит. Расскажу лучше. Сегодня читал по рукописи, торопился, волновался, по-французски, но кажется понравилось... Я еще делал доклад в Советском клубе в первый же день было торжественное собрание, говорил 45 м., никогда не видел такого восторга, была настоящая овация. Были и пионеры, чудные и трогательные до того, что я разревелся, боялся что буду голосить... Не знаю, как дотяну остающиеся дни, очень уж тянет назад, домой. Отношение к нам совершенно исключительное, т.е. со стороны персов, парсов и очень немногих европейцев. Остальные злятся на блестящий успех советской делегации, докладов на персидском языке и подарков²⁷. Мы забыли всех. Но уж очень много парада, много больше, чем в Лондоне и шику требуется больше, чем там»²⁸.

У К. В. Тревер не было своих детей, поэтому она с трепетом относилась к сыну И. А. Орбели, Мите, или, как его ласково называла в дневнике, «Бакурю». С 1949 года она завела тетрадь, в которую записывала интересные моменты из жизни мальчика. Она запомнила, как старик-швейцар в Эрмитаже спросил ребенка: «Мальчик как тебя зовут?», – он ответил – «Митя Айбели, без бороды»²⁹. 20 ноября 1955 года Митя «узнал, что отец стал деканом Восточного факультета Университета. Встревожился: «Ты теперь меньше дома будешь бывать?» Когда мать заметила, что тогда Митя будет разлагаться, он ответил: «О том, что я буду разлагаться ты думаешь, а о том, что ему больше работать придется – ты не думаешь!»³⁰ В начале 1950 года «он начал придумывать стихи в 2 строки с рифмой: рифму он называет «как раз». – Когда отец ему что-то сказал рифмованное, он сказал: «Папа, ты сказал как-раз!»³¹ Весной К. В. Тревер записала на эту же тему: «Когда И. А. ему утром читал стихи Маршака, то в одном месте сказал «валёжнику». Мальчик перебил его: «Нет, ты сказал “валёжник”, это не будет как раз» (так он называет рифму), и когда И. А. поправил и сказал «валежник», а потом в след. строке «подснежник», Бакурю опять воскликнул: «Вот видишь, теперь как-раз!» (Это даже пугает)»³². Дмитрий Орбели и дальше продолжал писать стихи, в фонде К.В. Тревер есть издание его первого сборника. Она трепетно хранила его письма и записки, обращенные к ней – детские и написанные в более позднем возрасте.

Для специалистов, изучающих историю научных учреждений, будет интересен раздел «Документы по деятельности», где отложатся материалы о работе К. В. Тревер в Институте востоковедов и Государственном Эрмитаже: извещения о заседаниях, планы-отчеты, рабочая переписка, ее заметки о заседаниях, документы других сотрудников и многое другое. Среди документов К. В. Тревер сохранился «Рабочий дневник – Отдела Востока Эрмитажа (С 1 сент. 1934 – 31 дек. 1938)». Например, 21 января 1936 года записано: «...Получила от Цапина 2 этикетки для севанских капителей;

Гарнийскую вернула ему. Беседовала с Борисовым – о новых находках в Фарсе говорила ему; о его аспир[антской]. теме – замене новой. С [Н. З.] Митиной, [В. Н.] Кесаевым, [А. Я.] Борисовым – о ахеменидских иллюстрациях для детской комнаты³³ (все они пришли с вопросами). Узнала, что моя лекция в Доме худ[ожников] 25-го в 8.30...»³⁴, 13 апреля 1937 года: «Вынула из витрины и отнесла Вейбелю (?) для снятия гальваноконии блюдо серебр[яное] сас[анидское]... Проверила аннотации [А. Я.] Борисова к ахеменидским табл[ицам]... С Борисовым проверила картотеку резных камней. Поставила на место сер[ебряное] блюдо... в зал 225», 14-го апреля: «Рапорт писала о моли в Моц[ево]й балке и кобре с фазаном и сдала. С Митиной проверила все ткани в зале 225... [И. М.] Дьяконову выдала фотографии Азерб[айджанского] Муз[ея] керамики (Фабри³⁵) (проверка). Разбирала бумаги конгресса и фотогр[афии] разные. Тек[ущие] дела мелкие. Заседание у Дир[екто]ра»³⁶. Конечно, ведение делопроизводственных дневников – часть рабочей культуры в музеях и архивах, но они крайне редко откладываются в личных архивах.

В раздел «Переписка» войдут письма от уже перечисленных выше коллег К. В. Тревер, многочисленных специалистов из кавказских и азиатских республик, иностранных корреспондентов: Р. Б. Ахмеров, В. А. Амбарцумян, Ф. Е. Горбунов, Р. Гиршман (французский академик), С. С. Какабадзе, Н. И. Конрад, А. А. Коссой, Л. И. Крамп, М. Е. Массон, Е. А. Мушегян, А. Ю. Якубский, З. И. Ямпольский и многие другие. Значителен и объем писем от И. А. Орбели (почти за 40 лет); они дополняют информацией дневниковые записи самой К. В. Тревер и дневники, которые она вела за него.

Большой комплекс документов будет составлять раздел «Труды других лиц». Среди авторов статей и отзывов есть как известные, так и малоизвестные ученые, но особый интерес будут представлять работы А. Я. Борисова, И. М. Дьяконова, С. Т. Еремяна, В. М. Массона, Н. В. Пигулевской, Б. Б. Пиотровского, Е. Г. Пчелиной, Я. И. Смирнова, Ю. А. Солодухо, В. В. Струве, Г. А. Тирацияна, А. А. Фреймана, К. Н. Юзбашьяна, З. И. Ямпольского и др. Широко представлены опубликованные статьи зарубежных коллег К. В. Тревер, которые присылались ей с дарственными надписями или выписывались ею для ознакомления (Paul Bernard, Marie-Louise Chaumont, Roman Ghirshman, Berghe Louis Vanden, Daniel Schlumberger и др.).

Материалы архивного фонда Камиллы Васильевны Тревер позволят историографам написать ее научную биографию и дополнить биографические сведения об Иосифе Абгаровиче Орбели, значительно обогатят наши познания в области истории ленинградского востоковедения и трудной военной истории Государственного Эрмитажа. Введение материалов фонда в научный оборот станет, без сомнения, событием в научной жизни гуманитариев Санкт-Петербурга.

¹ В связи с тем, что документы фонда еще находятся в научно-технической обработке, в статье даются ссылки на авторское название дневников (они войдут и в окончательный вариант описи) и на страницы, проставленные самой К. В. Тревер. Автор статьи является и обработчиком фонда № 1090 и выражает надежду на сотрудничество с коллегами из Государственного Эрмитажа в ходе работы над документами.

² Принимаемые в архив материалы, считаются россыпью и измеряются в сантиметрах.

³ Местный охранник/страж порядка.

⁴ В настоящее время – Ираклион, административный центр Крита.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Поездка в Грецию летом 1914 г.» С. 36. Записи в 1914 году были сделаны карандашом и для их лучшей сохранности К. В. Тревер переписала их чернилами в 1955

- году, чтобы ее племянник Борис (Б. В. Серков) мог по прошествии времени прочесть их.
- ⁶ Одна тетрадь, в бордовой обложке, полностью исписана – 429 страниц, вторая (серо-розового цвета) осталась незавершенной – 71 страница.
- ⁷ СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Иосиф Абгарович Орбели по дневниковым записям К. В. Тревер и по письмам И. А. 3 апреля 1920 по 20 февраля 1931». С. 2. В настоящий момент еще нет окончательной систематизации фонда, и этот документ может быть перенесен в другой раздел, например, «Документы И. А. Орбели», но название его будет неизменным.
- ⁸ Там же. С. 1.
- ⁹ В Издательство АН СССР. Окончательный текст был сдан 28 июня 1955 года. (Там же. Дело «Дневник И. А. Орбели. 1953–1958 (до 11 февраля. № 1)». С. 96).
- ¹⁰ Там же. С. 70.
- ¹¹ Там же. С. 111–112.
- ¹² Последняя жена И. А. Орбели.
- ¹³ Дело «Записки Камиллы Тревер. Начато 13 марта 1964 г. Закончено 6 апреля 1965 г.» С. 73.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ В отдельной тетради с кожаным переплетом песочного цвета К. В. Тревер, уже после смерти И. А. Орбели, выписала, также с разъяснениями, интересные письма ученого о поездках за границу и по СССР (158 страниц).
- ¹⁶ Имя Б. В. Серкова часто встречается на страницах дневников и писем. К сожалению, он умер рано (16 февраля 1965 года), видимо, от наследственной болезни сердца. Для К. В. Тревер это было сильнейшим ударом: «Уход из жизни навсегда моего Бориса надломил меня – временно и записи казались бессмысленными» (30 марта 1965 года; СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Записки Камиллы Тревер. Начато 13 марта 1964 г. Закончено 6 апреля 1965 г.» С. 177).
- ¹⁷ Там же. Дело «Записки Камиллы Тревер. Начато – 13 сентября 1961 г. Окончено 9 февраля 1963 г.» С. 1.
- ¹⁸ И. А. Орбели при помощи А. А. Тахо-Годи удалось изучить памятники, искусство, язык и быт Дагестана и Кубачи. Ученые выдвинули и подтвердили концепцию о «поразительном совпадении» кубачинского диалекта даргинского языка с армянским и грузинским языками, а также подтвердили общность их духовной культуры (Дандамаева З. Э. Деятельность Алибека Тахо-Годи по становлению и развитию Дагестанского краеведения и музейного дела // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 9). И. А. Орбели так увлекся поездкой, что оказался без денег на обратный билет, и А. А. Тахо-Годи одолжил ему (СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Копии писем и выписки из писем Иосифа Абгаровича Орбели к Камилле Васильевне Тревер». С. 140).
- ¹⁹ Д. М. Павлов – заведующий Дагестанским краеведческим музеем, основанным в 1923 году по инициативе А. А. Тахо-Годи.
- ²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Копии писем и выписки из писем Иосифа Абгаровича Орбели к Камилле Васильевне Тревер». С. 139–141.
- ²¹ Там же. С. 145–146.
- ²² Там же. С. 112.
- ²³ Там же. С. 121. Из Лондона. Со 2-го на 3-е марта 1931 года.
- ²⁴ Там же. С. 113. Из Лондона. 20 февраля 1931 года.
- ²⁵ Александр Арнольдович Фрейман – филолог-иранист, член-корреспондент АН СССР с 1928 года.
- ²⁶ Разъяснение К. В. Тревер.
- ²⁷ Официальный представитель делегации иранист С. К. Пастухов преподнес подарки от советского правительства персидскому. СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Копии писем и выписки из писем Иосифа Абгаровича Орбели к Камилле Васильевне Тревер». С. 157.
- ²⁸ Там же. С. 155–157.
- ²⁹ Там же. Дело «О Бакурике – Мите Орбели. Начато 15 марта 1949 г.» С. 2.
- ³⁰ Там же. С. 126.
- ³¹ Там же. С. 19.
- ³² Там же. С. 33.
- ³³ В Эрмитаже существовала комната для детей сотрудников, где им открывались азы искусства и истории.
- ³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Рабочий дневник – Отдела Востока Эрмитажа (С 1 сент. 1934 – 31 дек. 1938)».
- ³⁵ Видимо, имелись в виду фотографии из экспедиции Фабри по районам Азербайджана (в частности, в Губу и Газах), предпринятую в 1930-е годы. (См.: Рагимова Н. А. Научно-исследовательская работа в музее на основе фондов: на примере Азербайджанского государственного музея искусств им. Р. Мустафаева // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 113).
- ³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1090. Оп. 2. Дело «Рабочий дневник – Отдела Востока Эрмитажа (С 1 сент. 1934 – 31 дек. 1938)».

Т. А. Сафронова
Государственный Эрмитаж

ИГРАЛЬНЫЕ КАРТЫ «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» В КОЛЛЕКЦИИ Д. П. ИВКОВА

*«Очень я вась боюсь!» – гордо и смгьло
сказала Соня. Все-то вы колода картъ
и больше ничего – годны развъ только
поиграть въ дурачки!»¹*

В эрмитажной коллекции игральных карт, собранной генерал-майором Дмитрием Петровичем Ивковым (1849–1916) во второй половине XIX века, хранится уникальная колода карт для «занимательной игры» «Алиса в Стране Чудес» (ил 1). В связи со 150-летием «Алисы», которое отмечалось во всём мире в 2015–2016 годах, уместно вспомнить историю этой прекрасно изданной колоды и ее литературный прототип.

Соня, Аня, Алиса... Под такими именами русский читатель знает героиню сказки, сочиненной полтора века назад английским преподавателем математики Чарлзом Льюисом Карролом, который нам известен как Льюис Кэрролл (Lewis Carroll). История Алисы, вскоре после своего выхода в свет в 1865 году, завоевала множество поклонников не только в Англии, но и далеко за ее пределами. Среди первых читателей повествования о невероятных приключениях маленькой девочки были королева Виктория и Оскар Уайльд. Спустя много лет фантастический и абсурдный мир Алисы продолжает увлекать читателя. Свидетельством тому является переиздание книги огромными тиражами во всем мире. Сказке Кэрролла посвящаются выставки и конференции, отмечаются юбилеи как самого автора, так и издания книги, по ней снимают фильмы и ставят спектакли. На выставках и других тематических мероприятиях, где обычно представляются иллюстрированные издания «Алисы» разных лет (а иногда и рукопись самого Кэрролла), экспозиции часто сопровождается разнообразная «памятная» сувенирная продукция: открытки, записные книжки, а также детские игры. Первые известные сегодня игры, сочиненные по мотивам «Алисы в Стране Чудес», появились после 1880-х годов, но не на родине писателя, а в Америке, где быстро просчитали коммерческую выгоду от набирающей популярность сказки. Настольные игры с Алисой стали увлекательным дополнением литературного творения Кэрролла. Если вспомнить сюжет книги и ее персонажей, то вполне объяснимо, что игры эти были карточными. В 1882 году нью-йоркской компанией игр Selchow & Righter была издана иллюстрированная колода «Алиса в Стране Чудес». Спустя три года другой производитель игр Parker Brothers выпускает карты «Wonderland» («Страна Чудес»), а в 1898 году крупное издательство McLoughlin Bros, специализирующееся на так называемых «toy books» – маленьких «иг-